

Александр МИНЧЕНКОВ

*Посвящается 75-летию Победы в Великой
Отечественной войне над фашистской Германией*

Над Берлином

Повесть

Книга издана при поддержке первого заместителя
Председателя Законодательного Собрания Новосибирской
области **Андрея Борисовича Панфёрова**
при содействии Секретаря Заельцовского отделения партии
Единая Россия **Армана Мамеевича Озманяна**

Герой повести школьный учитель, а во время Великой
Отечественной войны вопреки судьбе стал членом экипажа
пикирующего бомбардировщика, участвовал в воздушных
схватках с врагом и выполнял боевые задания
в небе над Берлином.

Александр Михайлович МИНЧЕНКОВ
Сибирский писатель.

Родился в 1949 году в Смоленской области. Трудовая деятельность прошла на Севере в золотодобывающем предприятии «Лензолото». Работал маркшейдером на приисках, на инженерно-технических и руководящих должностях в управлении предприятия. Издал художественные книги: «Тяжкое золото», «Ветхое дупло», «Случай в тайге», «Остров детства», «Настя и инопланетяне», «Забвению не подлежит», «Дни войны», «В сетях лукавого», «В делях урмана», «Тайны угрюмых сопок», «Как служилось, солдат?», «Эхо войны». Публиковался в газетах «Ленский Шахтёр», «Советская Сибирь», литературных журналах «Сибирские огни», «Новосибирск», в сборниках прозы сибирских писателей «Век XX — век XXI» и разных московских и новосибирских изданиях. Книги автора в продаже по России и за рубежом.

От автора

Крмаджян Арам Усикович родился 15 декабря 1919 года в селе Мартуни Ахалкалакского района Грузинской ССР. По национальности армянин. Ветеран Великой Отечественной войны полковник в отставке имеет два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, свыше тридцати медалей, в том числе «За боевые заслуги».

И как догадались — эта книга о нём.

Познакомились с Арамом Усиковичем 12 февраля 2020 года, когда член Союза художников России Евгений Назимко передал в дар ветерану его портрет, нарисованный в честь 100-летия Крмаджяна.

Благопристойный человек. Мы присели и долго с ним беседовали, он мне поведал много интересного из своей жизни и договорились увидеться ещё. И встретились. Меня привлекли его доброта и удивительная скромность, гостеприимство. Человек прожил век, сохранив хорошую память, что и способствовало интересному общению с ним. Я подумал: сколько же таких ветеранов, не дававших о себе знать общественности, и решил написать об этом удивительном человеке.

Мы беседовали, и его рассказ представлял собой словно киноленту, поскольку включив своё воображение, я представлял ту картину, которую человек прожил от детства до 100-летнего юбилея, и на своём веку испытал тяжкие годы войны, сохранил доброту к людям.

— Да, воевал, но не все четыре года. Стоит ли обо мне писать? — заметил ветеран.

«Как же так, будучи на срочной службе в армии с первых дней объявления войны его «закрутила» беда, изменившая ему жизнь. В течение года принимал участие в воздушных боях и писать не стоит, — подумал я. — Да день на войне, это уже что-то значит, когда воин не знает, что с ним произойдёт через час и даже минуту».

И ещё более укрепился в своём решении издать о нём повесть.

Среди множества мною заданных вопросов, приведу один:

— Арам Усикович, вы обладатель многих наград. Какая для вас самая важная? — спросил я.

Он на мгновение задумался и ответил:

— Жизнь. Во время такой страшной войны остаться живым, лучшей божьей награды не найти.

Как автор, я был бы рад, если читатель не примет за труд и прочтёт эту книгу, она позволит познакомиться с героем, к числу которых относится этот человек — защитникам Отчизны, победивших германский нацизм. И пусть это повествование станет вкладом в Память о таких людях...

Над Берлином

Повесть

Мечты сбываются

Усик Степанович Крмджян вернулся в родное село Мартуни с первой Мировой войны. Не виделся с женой и дочкой аж пять лет. Срок немалый, да ладно, главное пули мимо пролетали, да под саблю не попал, живым остался. А на груди Георгиевский крест висит, знать славно воевал, коль заслужил этакую награду. Всяк человек на селе на земляка заглядывался, восхищались.

Жена Епракси рада радёхонька, а дочка Арпеник ликовала, так и в словах не выразить. Пять лет дочке, отца не помнит, а кровь родную чувствует. Несколько месяцев дитё было, когда Крмджян на войну уходил.

Семья армянская, и село из одних армян состояло, да небольшая группа переселенцев из России, их звали — духобуры. Русская религиозная своеобразная секта, вроде как духовные христиане со своим укладом и взглядами. Жили они обособлено, по своим правилам. А через речку греки проживали. Всех удивляло: говорили они по-турецки, учили грузинский язык, а ругались по-армянски.

Село дворов сто десять насчитывало, не более, а семьи многодетные. Все колхозники. Стояла и церковь, народ молился, исповедался, просили у Бога прощения и помощи. На полях растили хлеб, картофель, разные овощи. Занимались животноводством — коров и овец пасли на пастбищах. Оно и свои личные хозяйства содержали. А как без этого.

Земля в этих местах плодородная, так что из года в год урожай благодатный давала. А чтоб не истощалась, так удобрения вносили — навозу от скотины хватало, а больше сказать, так с избытком.

Грецкий орех, вишня, черешня росли, а вот абрикос, виноград, гранат, те нет — климат для них неподходящий. Высокогорье, а посему прохладно. Но всё же зима мягкостью своей людей баловала. Лесу хватало — платан, ива, ель, воздух чистый, словно озон. Речушка Тапарван, что село пополам делила, впадала в реку Кура, а та уж неслась в Каспийское море. Воды чистые, как слеза и рыба добрая — форель, храмуль, судак, осётр.

Одним словом, для бытия всё здесь Господь надлежаще устроил, не ленись и сыт будешь.

Года не прошло, сын родился и нарёк его Усик Степанович — Арам. Душа отца гордостью наполнилась — наследник! Дочка заглядывала в люльку, братишку разглядывала и качала, если младенец куксился. Теперь куклы в сторону, вот она лялька — братик. Арам подрастал, и всё глазёнками мир созерцал, разглядывал, познавал.

Говорят: минуты идут, а годы летят. Вот и в семье Крмджян их пролетело несколько. За это время пополнение произошло — родилось три мальчика и девочка. Кто постарше родителям помогали в хозяйстве, от труда никто не отлынивал, дело-то общее, семейное.

Арам в школу пошёл, когда старшей сестрёнке уже четырнадцать лет исполнилось, а училась в райцентре.

Школа в селе была, но двухлетка. Араму нравилось осваивать знания — писать, читать. С первого класса приглянулись родной язык и литература, любил математику. «Глотал» всё, что учитель показывал и рассказывал, книжки читал самостоятельно.

А лето, какое же оно приветливое! В жаркий день речушка охлаждала детей. Купание — это забава и восторг. К тому же в ней водилась рыба. Арам брал длинную тонкую верёвку, привязывал к ней шпагат с рыболовными крючками, около десяти, а то и более, на них насаживал червяков и под вечер закидывал в речку. А с утра пораньше прибегал на берег и вытаскивал свой пере­мёт, снимал рыбу. Улов разный бывал, но всегда удачным. Приносил домой, а мать с отцом хвалили:

— Настоящий рыбак! Кормилец ты наш, — при этом улыбались.

С третьего класса учёба пошла в райцентре Ахалкалаки. На армянском языке — Новый город. Здесь семилетка. Кто заканчивал, те в почёте были. Усик Степанович грамотой владел, так его определили счетоводом в правление колхоза. Знал как учёт во всём вести, цифры, где надо вычитать и складывать, первым помощником у председателя значился.

Родители на Арама не наседали, он сам на учёбу налегал. Прикипел к родному языку и литературе, сочинения такие писал, что учитель всем в пример ставил. Знать от этого, и зародилась мечта стать учителем.

А меж тем, приглянулась Араму ещё с шестого класса одна девочка. Звали её Лусик, а фамилия Арутюнян. Красавица, скромная, училась с отличием, шибко приметная девочка. Так и в седьмом классе продолжал поглядывать на неё. А в мыслях утверждал для себя: «Вырасту, стану взрослым, и она станет моей женой...»

Лусик замечала взгляды Арама, догадывалась, о чём думает. И у самой чувства всплывали, душа к юноше потянулась, да так что и не скрыть. Но не так воспитаны оба, чтоб открыто высказаться, каждый в себе чувства и вынашивал.

Арам семилетку закончил и, не раздумывая поступил в педагогическое училище. Усердие и прилежание проявлялись во всём. Все предметы как орешки раскусывал, вот только химия не давалась. Она со школьной скамьи не шла, может оттого что не занимала его, а целиком отдавался языку и литературе.

В 1937 году Арам окончил училище и получил диплом. Направили молодого специалиста в село Кулалис, это в соседнем Богдановском районе. Сбылась мечта!

А тем временем Лусик училась в педагогическом училище, на втором курсе, с малых лет мечтала стать учителем.

За время учёбы в училище молодые люди сблизились в общении, но сокровенное вслух не высказывали, а понимали — они созданы для совместной жизни и не должно иначе. То, что открыто, не давали знать, так это от скромности. Но в селе все на виду, от глаз людей ничего не скроешь, народ и понимал к чему их дружба идёт. А кто любил поговорить, так и от себя чего добавляли.

Без меня, меня женили

В 1939 году исполнилось два года, как Арам трудился в семилетней школе на селе Кулалис. Лусик окончив училище, тоже оказалась здесь, вместе и учительствовали. Отношения росли, но опять-таки на вид не выпячивали. Хотя время иной раз проводили вместе. То на речке купались, то разговоры говорили, а души-то трепетно волновались. Любовь, её не скроешь, она вся на виду. Арам иной раз демонстрировал девушке своё умение ловить рыбу руками. Забредёт в воду, подойдёт к камню, где могла рыбина себе место под камнем облюбовать. Запустит руку и хват за жабры. Вот она! Лусик удивляется, хохочет.

Этим летом в каникулы родители Крмджян устроили Араму неожиданность.

Арам приехал из Кулалиса на побывку домой, а мать с тётей с порога объявили:

— Всё, Арам, довольно холостым ходить.

— Чего это вы? — взглянул на них парень.

— Женили мы тебя, — в один голос произнесли женщины.

— Как это женили?.. Без меня, меня женили?.. — удивился Арам.

— А вот так, женили и всё тут. Отец инициативу проявил, а мы и подсуетились, чего время тянуть. Невеста рядом, так сразу и сосватали.

— Вы чего такое выдумали?.. — опешил Арам.

— Всё как надо устроили.

— На ком же вы свой выбор устроили? Мне лучше знать, кого при надобности замуж взять, — возмутился Арам, чуть было негодуя.

— А то не знаешь. Да на Лусик, конечно! — рассмеялись мать и тётя.

«Фу ты, а то загадками опутали», — Арам покраснел от неожиданности и счастья.

Знал Арам, как донимали сельские сваты Лусик — женихов предлагали, но девушка всем отказывала, да так, что дважды не приходили. В драку на Арама никто из ребят не кидался, чтоб отбить от него девушку. Чем было объяснить? Наверное, три причины: резкие отказы Лусик, не принято было на селе так выяснять отношения или боялись Степана — брата Арама. Степан был младше на три года, но вырос здоровяком и сильным, к тому драчуном слыл, все пацаны его побаивались. Завидев, старались с пути сойти, кто его знает, если что не так скажут.

Дело было в субботу, а к свадьбе уж всё готово, только голос подай через калитку, так всё село сбежится. А чего звать-то, все знали, кто из молодых вот-вот женится. И пригласили сообща родители Крмджян и Арутюнян селян. Но не в свои дома, а к соседям. В дом большой, просторный, есть, где гостей усадить и потчевать.

Селом и собрались. Народу много, всем поздравить Арама и Лусик хочется. Сообща и с удовольствием будущая родня еду к столу готовили, все хором и за столы народ усаживали.

В разгар свадьбы во двор переместились. На улице простор, гуляй хоть вширь, хоть поперек. Вино, закуски разные, а главное танцы и пляски. Танцы

зажигательные, с лихими и задорными криками. Кочари, да в круг, и парами иные лихо приплясывали, кто во что гораздый, песни, смех и шутки. Музыканты доморощенные — один в дхол палочками бьёт, второй в дудук дует, третий на струнах барбет брякает, тон такой задавали, на все лады и на мотив разный, ноги людские сами в пляс шли, отдыху телу не давали.

Гуляли до рассвета, вот только к утру и угомонились, но все. Кто покрепче, так и продолжали, а кто проспался, так вновь подключались. Опять застолье и пляски. Так второй выходной день и прошёл.

Но сколько не гуляй, а дела житейские не отбросишь, ждут они каждого, не то хозяйство запустишь.

Дабы не стеснять родителей, да жить самостоятельно, так сняли молодожёны комнату в одном из домов на селе, в Мартуни, где сообща работали и стали жить, о будущем размышлять.

Солдат Крмаджян

В декабре Араму восемнадцать лет исполнилось, повестка из райвоенкомата пришла. Собрал котомку, с женой и родными простился и поехал срочную службу отбывать. Не одного его из села призвали, ещё троих ребят, и все греки.

Нигде не задерживали, в составе молодой команды доставили в воинскую часть в город Горький. И теперь он из учителя преобразился в пехотинца. Правда, пока не опытного, но командиры заверили: настоящего солдата из него сделают.

Однако царицу полей вскоре оставил. Покинул пехотную часть не по своей воле, а отправили Арама в город Иваново в школу стрелков-радиостов. Начальство приняло радушно и показало где обустраиваться:

— Это наш военный городок, просим любить и жаловать.

Городок оказался палаточным. Пришлось жить в палатках, учебные классы там же. Никто не отчаивался, лето и его приветливость скрадывали неудобства. С мая по июль 1940 года учился усердно. Дело новое, интересное, это тебе не окопы лопатой рыть и с оружием по полям и лесам бегать. А от женского пола так отбою не было. Что ж за город такой — одни девчата, да не замужние. Ребята знакомились, встречались, кто дружил, кто влюблялся, кто так интерес к ним проявлял. Арам ни к одной не подходил, как же, ведь жена дома, да знал, сын в марте родился, имя ему Лусик дала — Шота, только о них и думал.

Начало августа, тёплые дни. Завершилась учёба, присвоили звание сержант — командир отделения. Полез солдат «в гору».

Шёл 1940 год. Командование решило отправить Арама в Харьковское военное училище связи. Арам отказывался:

— Я не хочу быть кадровым военным. Отслужу срочную службу и вернусь домой и буду учительствовать.

Командир части возразил:

— Кроме тебя больше нет достойной кандидатуры, так что езжай. Ты человек грамотный, сообразительный, окончишь училище, может, и полюбишь военное ремесло. Кто знает, а то и до генерала дослужишься.

Последняя фраза не одушевила Арама, но куда деваться, пришлось подчиниться. Прибыл в училище. Предстояло сдать экзамены. А в голове родилась идея, видать появившаяся от сообразительности, о которой обмолвился командир части. Умышленно в диктанте сделал массу ошибок. Председатель комиссии удивлялся:

— Молодой человек, с такой грамотой вам очень трудно будет учиться. Как вас могли к нам направить? Возвращайтесь в свою часть.

Председателю комиссии поддакивали и остальные члены экзаменационной комиссии — качали головами, пожимали плечами:

— Нет таким не место в нашем училище.

Чего и добивался Арам.

Вернулся в часть, а командиры удивлялись как он «завалил» экзамен. Служба вошла в обычное русло, продолжались тренировочные полёты.

Военная профессия

Младших командиров распределили по разным частям. Арама направили в Калининскую область на станцию Идрица. Прибыл. Служба обрела новую форму — следовало освоить неведомую доселе военную профессию стрелка-радиста на боевом самолёте СБ-2.

Командир экипажа Рабинович, он же командир эскадрильи. С виду строгий человек, но с душой доброй, отзывчивый. Дело лётное знал, а людей rozpoзнавал, словно через рентген их просвечивал — кто какого ума, склада и характера. Встречались ему с баловством неким, так учил их уму разуму, и это у него получалось — перевоспитывались. Уважали Рабиновича в части, но он этим не кичился, служил, как и подобает служить.

Нравилось Араму летать на бомбардировщике. Разве ж такая возможность была бы на гражданке, когда такое представится. Отслужит, вернётся в школу и будет о чём ученикам рассказать. Экипаж занимал свои места. Впереди кабины место пилота, за ним чуть справа находился штурман. Носовая часть кабины остекленела, и можно было визуальное вести наблюдение, прицеливание и в нужное время при пикировании производить бомбометание. За задней кромкой крыла СБ-2 располагалось место стрелка-радиста, он управлял подфюзеляжной крупнокалиберной пулемётной установкой ШКАС, работал на радиостанции, поддерживал связь с землёй и внутри самолёта с экипажем. Вот бы сын увидел, так восхищался бы отцом. Но Шота далеко и мал, а даже и увидел бы, не смог бы понять, для чего эта летающая машина.

Накануне Первой 1941 года военное руководство страны начало подготовку к параду на Красной площади в Москве. С военно-воздушных частей отбирали лучшие экипажи и самолёты, по одному из части разных городов. В число избранных попал экипаж, в составе которого был и Арам. Прибыли в Калинин и начались групповые полёты. Но вскоре их отложили из-за напряжённой обстановки — в Европе шла война и время не до парадов.

Экипаж вернулся в свою часть. И снова тренировочные полёты, учебные стрельбы, а попутно восхищение горизонтом, ландшафтом земли, созерцание

населённых пунктов с высоты гораздо выше птичьего полёта.

В первых числах июня командир эскадрильи Рабинович подошёл к Араму и сказал:

— Сержант, знаю, ты женат, и сыну уже год... — на минуту замолчал, извлёк из пачки папиросу, прикурил, а всё поглядывал на Арама, затем продолжал: — Нутром чую, война неизбежна... Я походатайствовал перед руководством о твоём отпуске, не отказали. Так что езжай парень домой на побывку, повидайся с родными.

С великой благодарностью принял Арам такую заботу, душа взлетела выше облаков. В авиации офицерам и младшему командному составу полагались отпуска продолжительностью тридцать дней, без учёта времени на дорогу, да жалование ежемесячное выплачивали.

5 июня Арам отправился в путь, спешил в родные места, а через пять суток он обнимал жену и сына, говорил с родителями, братьями и сёстрами. Появился неожиданно, как снег в жаркий летний день. Теперь он не был похож на прежнего учителя, а выглядел подтянутым, в военной форме, с петлицами и погонами лётных частей, на фуражке кокарда, кожаный ремень с блестящей пряжкой. Младшие окружили брата, с гордостью смотрели на него. А Арам от сына не отходит, то прижмёт к себе, то любя тискает, то подкинет и ловит руками, а тот пищит, хохочет. Радовался Арам встрече, и не забывал о Рабиновиче: «каков же сердобольный, такой отпуск мне устроил, ай да командир, ай да человек хороший!..»

Однако отпуск пришлось прервать. Началась война. Село в глуши, отдалённое, нет ни радио, ни газет, поэтому люди и не знали о пришедшей беде. Отец побывал по делам в районном центре, а вернувшись, привёз горькую новость.

«Слышал я объявление по радио: Германия напала на Советский Союз. Приказано всем военнослужащим, что в отпусках и командировках срочно вернуться в свои воинские части. А посему поспедай...» — грустно промолвил Усик Степанович своему сыну.

Двенадцать дней пролетели в умилениях и приятных заботах и разом оборвались, словно испарились, упали радости в какую-то пропасть тревоги и неизвестности.

На следующий день 23 июня Арам уехал, простившись с родными, поцеловал Лусик и сына, а отцу с матерью сказал: «Не переживайте, мы победим...» Он сидел в грузовой машине и мчал до станции Хашури. Здесь сел на поезд Тбилиси — Москва, ехал и слушал стук вагонных колёс о стыки рельсов, думал о семье, о внезапно начавшейся войне, о свалившейся на страну напасти.

Москва выглядела не так как раньше. Люди спешили с озабоченными лицами, много военных, особо их скопилось на железнодорожном вокзале. Из Москвы отбыл до станции Идрица. И снова стук колёс, не спалось, всё думалось, переживал за родных, ведь уже было известно: враг наступал и свои зловещие силы накатывал волной, подминал приграничные населённые пункты, сокрушал всё на своём вероломном пути.

В Великих Луках поезд остановился. Объявили остановку на двадцать минут. Арам решил сойти и купить что-либо из еды. А вернувшись через десять

минут поезд не обнаружил, что его крайне удивило. Кинулся к коменданту, а тот руками развёл:

— Да, поезд отправили раньше времени, из-за налёта немецкой авиации, боялись, разрушат пути.

— Выходит я отстал. Как мне быть, мне же срочно нужно в часть?

— Понимаю. Как ближайший поезд подойдёт, сразу вас отправлю, а пока ожидайте на вокзале, не отлучайтесь.

Арам вошёл в здание вокзала и обратил внимание на одного военного. Обрадовался, когда узнал в нём офицера из своей авиационной части. Подошёл к нему, тот и рад сержанту и не рад. Сообщил:

— Был вражеский авианалёт на наш аэродром. Взлётно-посадочную полосу бомбами пропахали, несколько самолётом уничтожили, погибло часть личного состава. Уцелевшие самолёты и авиаторов распределяют в другие части. Кого куда. Вот такие брат печальные новости...

Арам сильно расстроился, узнав от офицера о гибели своего экипажа. «Это как же так, ещё война сюда по-настоящему не дошла, а сколько она положила людей, погибли...» — сокрушался Арам, а сердце сжималось от горечи.

Что тут поделаешь, пришлось отправиться на восток, в тыл, до станции Сасово, а что там будет далее, себе не представлял.

Учёба, учёба, учёба...

Начало июля 1941 года. Станция Сасово удивила Арама. Он предполагал, что это небольшой пристанционный населённый пункт. А прибыв, увидел своеобразный городок, он районный центр в Рязанской области, имевший некое производство, культурные и учебные учреждения, две библиотеки и клуб железнодорожников, жителей несколько тысяч человек.

Через станцию непрерывным потоком шли эшелоны с войсками, танками, пушечным вооружением и боеприпасами. Предприятия, получив указание, демонтировали оборудование, грузили его на платформы и отправляли на Урал и Новосибирск.

Фронт приближался к Рязани. Немецкие самолёты прорывались и бомбили город и железнодорожные пути. Личный состав, в числе которого находился и Арам, жили вблизи Сасово в деревне Берестянка. Разместили всех в здании школы. Иной раз приходилось видеть пролетающие в небе вражеские самолёты, они несли свой смертоносный груз для бомбёжки станции и Рязани. Слышно и видно было, как работали зенитчики, накрывая огнём стервятников. По радио передавали о гибели жителей, обвалах зданий, пожарах, сильном разрушении здания Рязанского вокзала.

Но жизнь на станции Сасово и в деревне не замирала, шла своим чередом, каждый занимался своим делом.

Личный состав состоял из таких же, как Арам, скопилось около семидесяти человек. Всех привлекли к строительству аэродрома. В подчинении сержанта Крматяна были три девушки. А оно и всюду одни женщины, мужчин всех призвали на фронт. Все работы вручную, механизмы — лопаты, кирки, ломы и

тачки. Уборка валунов, камней, рыхление, перемещение и планировка грунта отнимали массу физического труда, но, тем не менее, и находили вечерами десятки минут отдыха. Кто как использовал время. Одни шли на танцы с девчатами, общались, другие писали письма домой. Арам же просиживал в школьной библиотеке, читал литературу. Девушка Катя, выдававшая в библиотеке книги, как-то спросила Арама:

— Почему вы не ходите в клуб, и не танцуете?

— Арам глянул на девушку — она молоденькая и милая на вид, ответил:

— Я женат и у меня ребёнок. Это ж не правильно будет, если какой даме внимание начну оказывать.

— Но вы же только потанцевать, а не замуж кого брать.

— А ещё к тому же я и танцевать не умею. Если выйду в круг, так всем ноги оттопчу. У меня на родине как у вас не танцуют, по-иному, национальные у нас танцы, армянские.

Не знал на этот момент ни Арам, ни Катя, что судьба сведёт их в Германии после войны. Она будет замужем за лётчика-офицера, с которым Арам служил в одном авиаполку. Катя же работала в дивизионной столовой, но никогда не приходилось им встречаться — работала на кухне, а в обеденном зале не появлялась. Но это будет потом, а сейчас заканчивался август 1941 года.

Завершили строительство аэродрома. Близилось начало школьных занятий, вовремя освободили школу и весь состав перебросили в Чувашию в город Ядрин. Стоит на реке Сура, что впадает в матушку-Волгу. Город древний, возраст — 350 лет! Со времён Ивана Грозного. Интересовались курсанты: отчего название такое чудное? Отвечали местные жители по-разному. Одни, что в давние времена ядра здесь лили, другие — от имён мастеровых, третьи — от названия первого поселения Етерне. А как на самом деле толком неведомо, попробуй, открой тайну, коль три с половиной веков назад было. Рыбаков на реке тьма. Плотва, елец, сазан, сом, окунь и щука всегда в снасти попадали, кому везло, стерлядь вытаскивали. Народ без ухи не жил.

А у курсантов свои заботы. Снова напрягли хозяйственными работами и устанавливали бомбодержатели на самолёты По-2. На них в основном летали женщины-пилоты, а бомбы сбрасывали из дверцы машины. Механическое же устройство теперь позволяло сброс делать дистанционно.

Конец 1941 года. Обстановка на фронтах складывалась опасная, враг нажимал, занимал всё новые и новые города и сёла, но и получал сопротивление, а местами красноармейские части вынуждали фашистов отступать, хотя и имели огромные потери. Утраты несли пехотинцы, бронетанковые части, орудийные расчёты и авиация. В это время сержанта Крмаджяна в составе команды перебросили в город Казань. Здесь базировался 9-й запасной авиационный полк, на базе которого проходила подготовка полков, вооружённых бомбардировщиками. Полк входил в состав 8-й запасной авиабригады.

И снова учёба. Личный состав возмущался: «Да сколько можно учиться? Пора отправлять на фронт!..»

Их же вроде, как и никто не слышал, но иной раз поясняли:

— Ждём самолёты, и как поступят, сразу начнём формировать экипажи.

А иные командиры отвечали по-суворовски:

— Тяжело в ученье — легко в бою, так что всему своё время.

И такое учение затянулось на полгода. А окромя учёбы привлекали к разгрузке барж с лесом, топливом и разными грузами.

Наступил июнь 1942 года. Командование направило Арама в Харьковское военное училище, обучавшее на начальников связи и штурманов авиаэскадрилий.

В этот период Харьков находился во вражеской оккупации, училище же было загодя переведено в город Коканд в Узбекистане, подальше от линии фронта. Это как раз то самое училище, где Арам «успешно сдал» экзамены и его не допустили к занятиям.

Теперь здесь всё по иному — экзамены не требовались, приняли всех по рекомендациям воинских частей. Да и время куражиться было уже не то, армии требовались грамотные кадры, фронт ждал пополнений не только техники, но высококвалифицированных специалистов.

Так что сержант Крматджян приступил к учёбе, и взялся за неё со свойственным ему энтузиазмом. Он вроде как перевоплотился, теперь главным считал не учительство, его оставил на потом, а сначала нужно одолеть врага, используя навыки новой военной профессии.

Год учёбы — это срок немалый и всё не терпелось, когда же отправят на фронт, сколько же можно осваивать уже освоенное дело, изучать, писать и переписывать. И наконец, дождался — завершилась учёба, теперь на передовую.

Но всё вышло не так, как предполагал.

Арам был удивлён, когда ему объявили о решении руководства направить его в Москву в 1-е Краснознамённое училище связи.

«Да сколько можно учиться? Почему не на фронт?..» — кипела душа Арама. Но сержант не генерал и пришлось подчиниться.

Несмотря на сложную ситуацию на фронтах и в стране, жители Москвы жили, работали, и находили время для маленьких развлечений. И делали это ради сохранения духа и живучести. Посещали кинозалы, в декабре стал работать театр имени Ермоловой, работали катки. Общественный транспорт: трамваи, автобусы, метро функционировали, и это придавало уверенность бытия. Город готовился к встрече Нового 1944 года. Арам видел, как люди в свои дома несли ёлки. Им хотелось встретить его с теплом, пожелать друг другу добра, а главное скорейшей победы над врагом.

Арам в училище узнал, что это военное учебное заведение вначале войны эвакуировали в город Сызрань. А переименовано было в 1-е Московское Краснознамённое военное авиационное училище связи в апреле 1943 года. Вначале мая его вновь вернули в столицу.

В дни учёбы Арам и все курсанты стали свидетелями посещения училища генералом Шарь де Голлем. Он с интересом знакомился с условиями и порядком обучения курсантов, как устроен процесс изучения специальных дисциплин. А за два месяца до окончания учебного заведения в апреле 1944 года училище за подготовку высококвалифицированных кадров Военно-воздушных сил Красной Армии наградили орденом Ленина. Так что в дипломе Арама

Крмджяна было вписано полное наименование училища с указанием ордена Ленина и присвоено новое воинское звание младший лейтенант. Да, это уже не сержант, а младший офицерский состав.

А на дворе стоял июнь 1944 года.

На фронт

Предстояла отправка на 1-й Белорусский фронт.

«Ну, наконец-то, дождался! Теперь на фронт!» — ликовал младший лейтенант Крмджян.

В качестве начальника связи лётной эскадрильи с одновременным выполнением обязанностей стрелка-радиста и зачислили в 128-й авиаполк 241-й авиационной дивизии 3-го бомбардировочного корпуса.

И попал Арам в боевую эскадрилью старшего лейтенанта Сарыгина. Звали командира Александр Васильевич, а от сослуживцев Арам узнал: Сарыгин из Сибири, родился в селе Тагаран Болотнинского района Новосибирской области. Знаменитость полка, чего там, всей дивизии и корпуса, смелый и отчаянный, только он во всей дивизии мог пикировать на своём бомбардировщике под углом восемьдесят градусов, нанося точные удары по вражеским целям.

Зачислили Арама в 128-й полк, о котором уже легенды ходили. А время-то как раз Красная Армия приступила к осуществлению операции «Багратион».

Успех советских войск на Украине окончательно разуверил фашистов в своей непобедимости. А посему свои усилия гитлеровцы теперь бросили на строительство основательных заградительных рубежей в Белоруссии.

С открытием второго фронта в операцию «Багратион» влились союзники, высадившиеся в Нормандии в первых числах июня 1944 года. Теперь немцы понимали, их войска могут сковать, зажать в клещи, потому и стягивали дополнительные силы.

Бои начались и шли ожесточённые и на земле и в воздухе. Землю распахи-вали взрывы авиабомб и снарядов, сплошная дымовая завеса от огня и дышали дымом.

Арам впервые увидел вблизи бомбардировщики Пе-2. Стояли в два ряда крылатые двухмоторные красавцы на аэродроме, внушительные и уже повидавшие воздушные бои. На одном из них Араму и предстоит занять место стрелка-радиста.

Подошёл незнакомый военный в лётном комбинезоне. Спросил:

— Любуетесь машиной, младший лейтенант?

— Так точно, ответил Арам.

— Хорош аппарат, моща в две тысячи двести лошадиных сил, вес почти шесть тонн, да бомбовая нагрузка тонна, а летает как сокол. Звать как?

— Арам. Арам Усикович Крмджян.

— Выходит армянин.

— Так точно!

— Всякой национальности в нашей части люди. Что ж с прибытием. Полагаю, с честью служить будете.

Военный подвёл Арама ближе к самолёту и начал объяснять его тактико-технические данные. Основной упор делал на место стрелка-радиста и его действия во время полётов и при встречах в воздухе с самолётами противника. Каким образом вести наблюдение, стрелять из пулемётов, держать радиосвязь с землёй и экипажем, другими Пе-2 летящими в звене и в составе полка.

Арам слушал, вникал, чувствовал, этот человек повидал небо и не раз наверняка бывал в воздушных переделках.

— Машина добрая, есть, за что её полюбить, — продолжал военный. — Вот смотри, у Пе-2 четыре точки подвески и два отсека в задней части мотогондол, каждый имеет бомбодержатель ДЗ-40.

— А там тоже для бомб? — Арам показал рукой под крылья самолёта.

— Да, это ещё четыре с нижней подвеской. На внутренних точках стокилограммовые бомбы, на внешних — по четыре бомбы весом двести пятьдесят килограммов ФАБ-250, или пара штук ФАБ-500 по пятьсот кило. Ну, а пулемёты и пушки тебе знакомые, в училище изучали, и на СБ-2 наглядился, и упражнялся наверняка. На Пе-2 две двадцатимиллиметровые автоматические пушки ШВАК с боекомплектом и пара пулемётов 7,62 миллиметра ШКАС у штурмана и у стрелка. Одним словом и мощь налицо и вооружение что надо. Задача стрелка-радиста — вертеть головой на триста шестьдесят градусов и слышать всё в эфире, глаза и уши экипажа, оттого и жизнь стрелка и остальных в твоих руках. Конечно место стрелка-радиста в Пе-2 менее комфортное, чем в СБ-2, здесь больше тёплая одежда помощник, но как есть, так есть. А в бою и замечать не будешь, не до того — жарко станет. В настоящее время один стрелок-радист отсутствует, вместо него ты полетишь. Так что, товарищ младший лейтенант осваивай своё место, вживайся. Работы у нас много предстоит, пока фашистов в их логово не загоним, — на том закончил человек в комбинезоне и удалился.

Военный отошёл, Арам глядел ему вслед: «Кто ж такой?»

Подошли двое техников.

— А ты знаешь, кто тебя только что инструктировал? — спросил один из них.

— Нет. Я ж только в часть прибыл, никого не знаю. Пе-2 раньше только издали видел, а летал на бомбардировщиках СБ-2.

— Так знай: заместитель командира нашей 241-й авиационной дивизии Алексей Григорьевич Фёдоров. Гордись!

«Ого, сам заместитель комдива меня вниманием уважил!» — восхитился Арам.

— А кто командир дивизии? — поинтересовался Арам.

— Иван Григорьевич Куруленко.

У реки Березина

И первый вылет на Пе-2 состоялся. Осваивал Арам своё боевое место в самолёте, принаравливался к вооружению, работе радиостанций.

Одно лишь тревожило его — серьёзная ответственность, летая в экипаже

под командованием Сарыгина. Это ж личность известная, опытный и отважный пилот. «Не дай Бог, что не так, только бы не подвести командира», — рассуждал Арам. С таким настроем и летал под его началом, а позднее оказался в другом экипаже. Никто в то время не знал, что будущий Герой Советского Союза Сарыгин проживёт всего лишь сорок лет.

Перевели Арама в другой экипаж. Командиром оказался пилот Зималиев Зиляй Камалиевич, штурманом — Николай Михайлович Шиповский, но в тренировочных полётах Крматжан продолжал летать с Сарыгиным. Не все выдерживали, когда Сарыгин выводил Пе-2 в крутое пикирование — почти вертикально и земля приближается с невероятной быстротой.

Командиром 128-го авиаполка был Воронков Михаил Михайлович. Опытный лётчик, смелый воздушный ас. Под его командованием и пошла дальнейшая служба у младшего лейтенанта Арама Крматжана.

В это время в полку отработывались новые тактические приёмы ведения воздушных боёв, умение эффективно совершать манёвры и избегать от вражеского зенитного воздействия. Воронков наставлял лётчиков: как сбросили бомбы, тут же уходите на резкий разворот до сорока пяти градусов, такой манёвр не позволит врагу прицельно вести огонь из зениток. Плавный выход из пикирования после бомбометания — это недопустимо, есть угроза быть сбитыми.

И эта тактика во многом помогала экипажам, позволяла значительно повысить неуязвимость самолётов.

А между тем, фашистское командование готовилось к отчаянному сопротивлению, остановить любой ценой советские войска. Гитлер стягивал крупные группировки, состоявшие из десятков дивизий войск «Центр» и «Северная Украина».

Советская армия действовала в четырёх направлениях, наседавая на вражеские дивизии наземными средствами вооружений и с воздуха — авиационными.

Где-то в начале третьей декады июня красноармейские части, разместившиеся в районе городов Рогачёв и Жлобин, у берегов Днепра, при поддержке авиации прорвали оборону, и перешли в наступление, с успехом теснили врага к Бобруйску.

Лето. Жара, зной, отсутствие ветра изнывало людей. Вечер и ночь позволяли отдышаться, а с утра следующего дня вновь испытания от палящих лучей солнца.

Экипажам эскадрилий приходилось терпеть вдвойне. В лётных плотных комбинезонах, с полной экипировкой, с парашютами за плечами они находились в ожидании готовыми в любую минуту вылететь на боевое задание.

Почти в конце месяца фронт сумел отбросить фашистов к реке Березина. Немцы в панике сооружали быстровозводимые переправы, но это их не спасало, а основным местом передвижения служил железнодорожный мост. Его фашисты охраняли активно, для них он был важнейшим стратегическим объектом. Бобруйский «котёл» сжимался, и мост был единственной для них отдушиной, средством передвижения войск.

Авиадивизия от командования воздушной армии получила приказ: совершить бомбовые налёты и уничтожить железнодорожную переправу. Отрезать

врагам пути отхода, лишить их обеспечением техникой и живой силой.

С аэродрома в небо поднялась почти вся 241-я авиационная дивизия для нанесения массированного удара по объекту и скопившихся у Березина вражеских войск, их танкам и орудиям. Все знали, придётся драться и с истребителями противника, за штурвалами которых, безусловно, сидели не курсанты, а опытные пилоты.

Этот налёт на врага запомнился всей дивизии. Арам, находясь в своей кабине, строчил из своего пулемёта, слушал радиообмен между лётчиками звеньев, если появлялись вражьи самолёты, тут же давал знать экипажу, с какой стороны опасность и сколько их, и сам нажимал на курок пулемёта, посылал пули в стервятников, пытавшихся подлететь к Пе-2 и звену. Сплошная огненная завеса, словно стена, встала перед эскадрильями. Со всех сторон видны были разрывы зенитных снарядов, мины рвались всюду, это напоминало фейерверк, только несло от него смертоносностью. Осколки резали воздух, чертили небо, один пробил кабину стрелка, и чуть было не зацепил Арама. Пролетел мимо в пяти сантиметрах от тела, порвав комбинезон. Но отвлекаться некогда, нужно продолжать, как наставлял заместитель комдива Фёдоров: глядеть во все глаза на все триста шестьдесят градусов и вести прицельный огонь, и всё внимание в эфире.

В этот первый жаркий день атаки не удалось уничтожить злополучный мост. К вечеру вернулись на аэродром. И всё же день не прошёл напрасно — повредили подъездные пути, уничтожили много танков, орудий, автомашин и вражеских солдат.

Мост продолжал работать на немцев, он им нужен весьма — важный и единственный на этот момент коридор.

На следующий день, с раннего утра дивизия вновь поднялась в небо и взяла курс на железнодорожный мост. Однако вражья встреча повторилась — сплошной зенитный заградительный огонь, шквал смерти витал в воздухе. Подлететь и бомбить, это верная гибель экипажей. Отбомбив и обстреляв немецкие войска, прилегавшие к реке Березина, дивизия снова вернулась на аэродром, не выполнив основную задачу.

Вернулись в безрадостном настроении. Арам среди лётчиков слышал от них неудовлетворённость атаками, все единодушно говорили о неудачах, а главное как преодолеть мощный огневой заслон у моста. Обсуждали, какими манёврами можно всё-таки прорваться и уничтожить железнодорожную переправу.

Из соседнего 24-го авиаполка, командовал которой Арсений Иванович Соколов, родилась инициатива атаковать с малой высоты — сто пятьдесят метров. Опасно, велик риск, но наиболее приемлемый и верный.

Вылетело несколько звеньев под общим руководством лётчика Дельцова. Прикрытие обеспечивали истребители. Приблизились к мосту, и знакомый зенитный шквал огня снова рвал небо. Все разом вошли в пике, держа направление на железнодорожный переезд. Внизу продвигались вражеские колонны с техникой и живой силой. Первый сброс бомб с одновременной стрельбой из пушек и пулемётов, вышли из пике и на повторный заход и новый сброс по цели. Одна пятисоткилограммовая бомба попала в ферму и основательно разру-

шила её и часть мостового пролёта. Удача!

В наушниках Арам услышал ликование Дельцова, да не только он слышал торжество командира звена со штурманом, а все, кто находился в эфире. Но их голоса вдруг смолкли. «Что случилось? Уж не сбили ли?..» — неслось в умах авиаторов. А оно так и произошло...

Экипаж Дельцова

Самолёт капитана Дельцова на аэродром не вернулся.

Экипажи, участвовавшие в бомбовой атаке, видели, как его самолёт задымил и пытался взять курс в тыл. Но...

Лётный состав авиаполка и дивизии о подробностях узнали, когда Дельцов вернулся в часть. Выглядел исхудалым и седым.

Лётчик рассказал о судьбе экипажа и своих мучениях.

В самолёт попал зенитный снаряд, машина вздрогнула от взрыва, вспышка огня и дым. Пе-2 стремительно пошёл к земле, управлению не поддавался. Громко скомандовал штурману и стрелку-радисту немедленно покинуть машину. Оба тут же выбросились на парашютах. Дельцов пытался выправить самолёт, но тщетно, он падал вниз. Выбросился из кабины сам. Спускаясь на парашюте, видел, как бомбардировщик объятый пламенем врезался в землю. Заметил и погибших штурмана и стрелка-радиста — их фашисты расстреляли ещё в воздухе.

К месту предполагаемого приземления бежали несколько фашистов с явным намерением захватить лётчика в плен.

«Неужели всё?!.. Нет, только не плен!» — отстёгивая стропы, в отчаянии думал Дельцов. Достал пистолет и дуло подставил к виску, но тут же отбросил эту страшную затею: «Нет, рано на тот свет, да и лес рядом!»

Фашисты приближались, бежали и орали с призывом сдаваться. Дельцов произвёл выстрел и один замертво упал, а сам побежал к спасительному лесу. Двое фрицев кинулись за ним. Капитан оборачиваясь, стрелял в их сторону, но впопыхах промахивался, да и они старались увернуться от смерти. Последнее нажатие на спусковой курок и... закончились патроны.

Обезоруженный и враг вот он. Фашисты накинулись на Дельцова, свалили, били ногами, пленный терял силы и терпел мучительные боли. Капитан прощался с жизнью, но сквозь слабое сознание слышал знакомый звук летящих в небе советских истребителей: «Наши!» Илы шли и вели пулемётный огонь, атаковали шоссе с находившейся на нём немецкой колонной.

В этой заварухе фашисты оставили в покое Дельцова и бросились бежать до своего расположения, успеть укрыться от пуль. А к лётчику, видимо, решили вернуться после воздушной атаки.

Дельцов очнулся, отполз на какое-то расстояние, собрав последние силы, добрался до леса. И вдруг услышал русскую речь. «Свои!» — мелькнуло в голове. Да это было одно из подразделений, теснивших врага в реку, под прикрытием авиации.

После удачного уничтожения железнодорожного моста, немцы оказались в

ловушке, теперь они словно крысы оказались в клетке.

Слёзы текли по щекам капитана. Бежали от радости, что остался жив и советские части теперь крошили гитлеровские войска. «Это вам за гибель товарищей!..» — вслух произнёс Дельцов. Его охватывала гордость — всё-таки задание выполнено, вывели из строя речную железнодорожную переправу, уничтожили несколько вражеских танков и автомашины. А впереди Дельцова ждали новые воздушные атаки...

Бои продолжались

Неожиданно прозвучал вой сирены. Боевая тревога! Весь личный состав 241-й авиационной дивизии кинулся к своим самолётам. Пе-2 взлетали звеньями и уходили в небо. К ним присоединились другие лётные отряды бомбардировщиков.

Приказ: бомбить вражеские склады с горючим и боеприпасами, расположенные недалеко от Бобруйска. Это мощные резервы тыла фашистов, огромная составляющая их военных стратегических запасов на данном участке фронта.

Отработав склады, 241-я дивизию бросили на уничтожение вражеских войск в районе Титовка, Поречье, Бортники и ещё в ряде населённых пунктов, бомбить переправы через реку Ольсы.

Арам слился со своим пулемётом, он стал для него как бы продолжением его рук. Видел, как немцы объятые паникой разбежались в разные стороны, ища укрытия. Атака проводилась на малых высотах и он, не пользуясь прицелом, огонь вёл визуально, многие фрицы попали под его пули и не поднимались.

В наушниках слышались переговоры пилотов, корректирующих друг друга при очередных заходах на бомбометание и стрельбы из пушек и пулемётов. Арам связь поддерживал постоянно с землёй, командиром Зималиевым и штурманом Шиповским. Все трое находились в нервном и физическом напряжении.

Между Днепром и Березина от Могилёва до Бобруйска и Березино всё громыло от бомб и горело. Авиадивизия отработала на совесть — крепко помогла наземным советским частям. Чуть позже узнали: по данным разведки убито несколько десятков тысяч немецких солдат, огромное число взято в плен.

Каждый лётчик, штурман, стрелок-радист, авиатехники и специалисты наземной службы восхищались своей дивизией. Торжествовал и Арам Крамдзян. Эта победа всех вдохновляла и воодушевляла к новым боевым вылетам.

Наступила осень. В середине сентября командира дивизии Куруленко направили в Омск начальником авиационной школы, а назначили командиром Алексея Григорьевича Фёдорова. «Один Григорьевич, заменил другого Григорьевича», — с теплом говорили в дивизии.

Командование дало некую передышку. Следовало провести работы по профилактике самолётов, восполнить лётный состав.

Прибывшие молодые лётчики, штурманы и стрелки-радисты знакомились с дивизией. Арам, как и все остальные, глядя на них вспоминали своих погибших товарищей. Война, потери неизбежные, до глубины души горестные, печаль-

ные.

241-я времени не теряла. Проводились с личным составом учёба, тренировки, анализировали прошедшие бои, совершенствовали тактику ведения воздушного боя.

Как-то командир дивизии всех «обрадовал»: командование решило устроить дивизии инспекторскую проверку. А стало быть, следовало показать свою лётную боевую выучку, мастерство, умение поражать наземные цели, цельность стрельбы из бортовых пушек и пулемётов.

Командиры полков сделали основной упор на подготовку снайперских экипажей. В своём авиаполку Арам чувствовал себя как рыба в воде. Экипаж Пе-2 воевал слаженно. Они и попали в число снайперов для демонстрации в показательных полётах. Ответственность накладывалась особая — смотр проводил лично командующий 16-й воздушной армией генерал Руденко. Прибыли с ним и другие высокопоставленные лица — заместитель Главнокомандующего ВВС Громов и группа старших офицеров. Комиссию встречал командир 3-го бомбардировочного корпуса генерал Каравацкий.

Лётчикам пояснили, что на местности установят ранее подбитую немецкую технику: самолёты и танки для бомбового на них воздействия, установят и цели для пушек и пулемётов.

Экипажи понимали, как при таком начальстве волнуется командир дивизии Фёдоров. А нужно не подвести, выполнить задачу, так, чтобы командующий и члены комиссии ахнули от точных поражений железных макетов, когда-то участвовавших в битвах против советской армии.

Первым должен быть вылететь 128-й полк. Экипаж: Зималиев, Шиповский и Крмаджян заняли свои места в Пе-2. Взлетели и в составе звеньев взяли курс на полигон. Погода стояла неблагоприятная — наплыли облака, небо хмурилось, кое-где временами появлялись просветы, дул слабый ветер.

Полк вёл командир Воронков. Арам в наушниках слышал голоса командиров эскадрилий: Сулиманова, Дельцова, Ксюнина, Мизинцева, Хилькова, Ксюшина и конечно — Зиманова, в эфир выходил и правый ведомый звена лётчик Попов.

Звенья увидели цели — «тигры», «пантеры», «Юнкерсы», «Мессершмитты», наземные обозначения для пушек и пулемётов. Эту грудку теперь предстояло поразить с максимальной точностью. Напряжение у экипажей росло, но росло внимание и расчёт — сбросить бомбы при пикировании снайперски, с упреждением на скорость и высоту.

Цели приближались, они более чётко стали видны.

— Ну что, орлы, добьём вражьи остатки! — крикнул в эфир командира полка.

— Добьём! — дружно отозвались лётчики.

И началось. Все разом вошли в пике, следом сбросы бомб, пушечная и пулемётная стрельба.

Зималиев вёл самолёт и одновременно следил за ведомыми, нельзя нарушить дистанцию и строй звеньев. Шиповский и Крмаджян знали своё дело. Оно отработано не раз, в боевых вылетах при операции «Багратион», в боях у реки

Березина.

Сброс бомб и стрельба точно по целям. «Готово! Добили!» Каков же, наверняка восторг и гордость охватили комдива Фёдорова, ему не нужно было прятать глаза от командующего, а восхищался полком и вверенной ему дивизией.

После проверки он и поделится об этом с личным составом, и сообщил о высокой оценке работы экипажей, которую дало командование.

У Вислы

С первых дней января 1945 года 241-я авиационная дивизия стала готовиться к Висло-Одерской операции. По данным авиаразведки фиксировалась ситуация и наносились на карты вражеские рубежи обороны, аэродромная сеть, железнодорожные узлы, временные и постоянные переправы через реки Вислу и Пилицу.

При перемене мест дислокации пришлось устраивать скрытные от врага новые базы. Возводили и ложные площадки, с изготовлением макетов самолётов. И на них успешно «клевали» гитлеровцы — совершали и днём и ночью налёты, бомбили. При этом действительные аэродромы не попадали в их поле зрения. Этому способствовала строжайшая секретность и маскировка. Самолёты меняли дислокацию на максимально низкой высоте, а радиообмен был запрещён. Арам, как и все радисты, в период перелётов только слушали эфир, не более.

К началу Висло-Одерской операции дивизия занимала три польских аэродрома. Авиапункт Воронкова базировался в Малашевиче. К началу же операции вся дивизия перебазировалась в Станино Смоленской области.

Состоялся митинг. Выступали и от командования, и командиры звеньев, лётчики. Все говорили о решительности идти в бой, мстить за погибших товарищей и беспощадно бить фашистскую нечисть, гнать с завоёванных ими земель.

Погода пасмурная, снегопад, туман, видимость слабая. А объектом первой атаки был магнушевский плацдарм, это в шестидесяти километрах от Варшавы. Следовало долететь до переправ на Висле и отбомбить вражеские укрепления и военную технику.

Арам в соответствии с указаниями проверял со всеми радистами устойчивость связи. Сейчас предстояли отчаянные и затяжные бои с более сконцентрированными и укреплёнными частями вермахта и его союзниками.

Для более оперативной воздушной работы, полевые аэродромы для авиадивизии разместили в нескольких километрах от границ фронта. В середине января приступили к бомбёжке станции Скорневице. От огня вражеских зениток были подбиты два Пе-2. Экипажам удалось спастись, хотя и оказались на вражеской территории. Экипаж другого самолёта сел на поляну и забрал своих лётчиков, взлетел и улетел на глазах ошарашенных гитлеровцев.

Вскоре поступил приказ: немедленно уничтожить на станции Опочно три эшелона с вражеской техникой и войсками.

Арам услышал по радио эту команду Фёдорова для полков и эскадрилий, она донеслась до всего личного состава. И тут же подняли в небо авиапункт Во-

ронкова, ведущие групп четверо: лётчики Мизинов, Сарыгин, Хилков и Паршин. И снова отвратительная погода — низкая облачность, видимость не радует.

Подлетели к станции, она слабо просматривается. Бомбить с пикированием невозможно. Арам услышал в наушниках голос Воронкова: всем экипажам бомбить на бреющем полёте!

Плотный заградительный огонь встретил группы Пе-2, но всё же первые бомбы упали на станцию, прогремели мощные взрывы. Но и двух бомбардировщиков фашистам всё же удалось подбить — осколки нанесли машинам существенные повреждения. Самолёты Маликова и Табакова вышли из строя.

Повреждения получили ещё два самолёта, но не покинули бой, а продолжали выполнять поставленную задачу.

В небе появились вражеские самолёты, завязался воздушный бой меж ними и русскими истребителями. В ходе боя враг отступил, потеряв одну или две машины. Теперь ничто не мешало довести бомбардировку до логического завершения. Эшелоны взрывались, извергая столбы огня и клубы дыма. Из кабин самолётов экипажи созерцали станцию, она уже выглядела не так как несколько минут назад. Фашистам было не стрельбы, они в ужасе разбежались, бежали подалее от устроенного им ада, но многих всё же настигали пули стрелков-радиостов.

Арам стрелял из 12,7 миллиметрового пулемёта до последнего патрона, так велико было стремление больше нанести урон ненавистному врагу.

Чтобы снизить потери самолётов и экипажей, в дивизии применяли авиационные гранаты АГ-2, представлявшие собой взрывной боеприпас, заключённый в сферический металлический корпус и снабжённый тормозным парашютом. Устанавливали их в задней нижней части самолёта. Комплектовались Пе-2 ими до нескольких штук. Приводились в действие стрелком-радиостом при приближении с хвоста вражеских самолётов.

Арам подпускал немецкий самолёт до пятисот метров и производил сброс АГ-2, она зависала и взрывалась и уже работала на уничтожение воздушного противника. Граната с числом осколков до ста пятидесяти и разлётом до пятидесяти метров эффективно повреждала всех, кто пристраивался, чтобы сбить Пе-2. Особо важно было использование АГ-2, если бомбардировщики летели без поддержки истребителей.

Конец второй декады января 1945 года. Дивизию бросили на бомбёжку моста у Плоцка.

В составе нескольких групп под командованием Воронкова и Соколова, а так же командиров эскадрилий Сарыгина, Ксюнина и Лабина. Лётчики, штурманы и стрелки-радиосты тщательно готовились к вылету.

Вроде бы обыденное боевое задание, но Арама охватило некое волнение. Оно было естественным для человека, думающего, как сложится полёт, бой, вернётся ли живым. А в бою эти волнения покидали душу, уходили в сторону, а все устремления направлялись на поддержание связи, обзор неба, стрельбу по вражеским самолётам и наземным целям.

Звенья Пе-2 шли курсом на Вислу. Сопровождали истребители, они шли

слева, справа и сверху, обеспечивая надёжное прикрытие бомбардировщиков.

Воронков повёл свои тройки на Плоцк. Небо чистое. При подлёте к цели, захлопали в небе разрывы снарядов от залпов зениток. А за ними появились «Фокке-Вульфы» и «Мессеры». Они устремились к бомбардировщикам, не допустить их к Плоцку, заставить сбросить бомбы, дрогнуть и вернуться назад, по возможности кого и подбить. Истребители ввязались в бой, успешно маневрируя, они не только теперь отвлекли внимание противника, но и создали для него угрозу быть сбитыми.

Пока русские ястребки находились в схватке с немецкими машинами, Воронков изменил тактику работы звеньев.

Арам услышал по радио команду: всем перестроиться и совершить «вертушку»! Лётчикам хорошо был известен этот термин. Это групповой манёвр представлял собой выстраивание самолётов в круг диаметром примерно восемьсот метров, и они один за другим непрерывно бомбили, не позволяя врагу поднять голову, произвести ответные выстрелы из какого-либо оружия, корчились в окопах и траншеях, лишь бы уцелеть. Один самолёт сбросил бомбы, тут же пикировал второй, за ним третий, четвёртый... Одновременно штурманы и стрелки-радисты вели непрерывный огонь из пулемётов. Эффект от «вертушки» всегда был налицо, отбомбили и уходили невредимыми.

Отбомбив Плоцк, Пе-2 взяли курс на аэродром. Истребители дали достойный отпор стервятникам, подбили две машины, а остальных разогнали, обеспечив слаженную работу бомбардировщиков.

Очередной вылет на железнодорожный мост. Здесь более сложная оказалась ситуация, не простая, а где они выглядели простыми, не было на всём протяжении боёв. Фашисты для защиты переправы применили на этот раз не только зенитные установки, но и малую, и среднюю артиллерию. Так что разрывы снарядов представляли собой крайне опасные смертельные огненно-осколочные фейерверки.

И всё же при заходе первой тройки Пе-2 бомбы сброшенные Воронковым точно легли на мост. На следующем заходе шёл командир звена Колбасенко. Его экипаж точным попаданием продублировал удар Воронкова. Но тут в его самолёт попал снаряд, взрыв и машину объяло пламенем. Полк лишился экипажа.

При бомбёжке следующей переправы немцы подбили ещё один Пе-2. Экипаж так же не вернулся на аэродром...

В середине третьей декады января очередной вылет. Нужно разрушить переправу в районе Влоцвалека. На счету Арама это был, наверное, двадцатый боевой вылет. Всё как обычно на подступах к цели — снова эскадрильи Воронкова активно встретили вражьи зенитки.

На высотах вражеские «охотники» — «Фокке-Вульфы», их несколько, поджидали звенья русского авиаполка. Но Воронков зная их тактику и задумку, принимает решение сделать «вертушку», вышли на круг и отбомбились и не взмыли вверх, как ожидали фашистские лётчики, а к их удивлению ушли на предельно малой высоте, тем самым лишили их атаковать и подставили «Фокке-Вульфы» под обстрел советскими истребителями.

Город Познань, занятый фашистами, в результате боёв оказался в окружении. Немцы оборудовали тройную линию обороны, укрепились основательно, установили и замаскировали орудийные расчёты, оборудовали доты и траншеи сообщения. Тем самым соорудили своеобразную цитадель, которую можно взять с использованием сухопутных войск, но с трудностями и большими потерями.

3 февраля несколько звеньев 128-го авиаполка вылетели с заданием отработать бомбовыми ударами эту крепость. Немцы хитрили, при появлении самолётов замолкали, дабы не обнаружить свои огневые позиции и точки. Но смекалка лётчиков не подвела, и вычислили орудия, произвели сброс бомб в точное место их установки. Навели «должный порядок» и взяли курс на аэродром.

Эскадрильи дивизии, наученные опытом высококлассного пилотирования, способны были в процессе манёвров менять несколько раз тактику, чем вводили врагов в затруднение и этим самым определялся успех боя.

Над Берлином

Как же велико было сопротивление фашистов, когда советские войска подошли к подступам Берлина. Оно ещё более усилилось вначале третьей декады апреля. Гитлеровцы всеми силами защищали город, авиация, танки, артиллерия и войска представляли собой единый грозный ударный кулак, сдерживающий натиск Красной армии. Но этот ошестившийся кулак постепенно слабел, терял технику и своих солдат. И всё же словно загнанные злобные волки немцы отгрызались, яростно держали линию обороны.

Противостояние сместилось в окрестности Берлина, и начались уличные бои. Каждый квартал, улица, дом давались с трудом, обе стороны несли огромные потери.

241-я авиационная дивизия работала на пределе возможностей. Увеличилось число боевых вылетов и каждый из них, подвергался всё большим опасностям. На бомбометание посылали наиболее опытные экипажи.

Налёты на крепость Франкфурт-ан-дер-Одер, это отсюда семьдесят пять километров до центра Берлина приобрели острый характер. Подступы к ней защищали враги всеми видами вооружений. Небо не знало места, где не разрывались бы мины и снаряды. Лишились нескольких машин, но накал воздушных атак не ослабевал. Каждый групповой вылет, это проверка умений на манёвры среди взрывов и вражеских самолётов и на прочность нервов каждого члена экипажа.

Арам с болью в сердце слышал иной раз в наушниках возгласы лётчиков или штурманов о настигшей их беде: «Подбили... Горим!.. Падаем... Выбрасываемся на парашютах из самолёта...» А иные о последнем и не докладывали — сбитые, они летели объятые пламенем в пике к земле... Если кто открывали парашюты, то земли достигали немногие, единицы. Внизу огненное месиво сражений и остаться в живых один шанс из тысячи.

Вот в наушниках прозвучал очередной отчаянный голос лётчика Ищенко: «Попал снаряд. Самолёт вспыхнул, свалился в штопор...»

Все самолёты вернулись на аэродром с пробоинами. У кого меньше у кого больше и требовалась работа по латанию отверстий.

Окраина Берлина авиаторам поддавалась особенно с невероятными трудностями. Водоёмы вокруг и в самом городе кипели от взрывов бомб и снарядов. Уличные бои не ослабевали, а наоборот сжиманием кольца стали куда ожесточённее. Летать над Берлином крайне опасно, но дивизия продолжала налёты, хотя и несли потери, осуществляя поддержку пехоте и танкистам.

25 апреля авиация 16-й воздушной армии силами более четырёхсот бомбардировщиков и почти пятьсот истребителей нанесли сначала один, а затем повторили налёт вполнину меньшим составом. Это была громовая туча затмившая небо над Берлином, но и она терпела вражеский мощный заградительный огонь.

241-я авиадивизия участвовала в этих налётах числом более шестидесяти крылатыми машинами. В основном выполняли задачу бомбить вражеские резервы, сосредоточенные в парке Тиргартен — центр Берлина. Полёты крайне опасные не только от сплошного зенитного огня противника, но и погоды — низкая облачность и плотная задымлённость. Прорваться к цели удавалось не всем.

27 апреля очередной вылет 128-го авиаполка в составе своей 241-й дивизии, на бомбёжку тех же целей и держать под контролем воздушное пространство, не дать возможность Гитлеру и его окружению в эти дни покинуть Берлин, лишить возможности самолётам противника подняться в небо со своих запасных и основных аэродромов.

Погода не улучшилась, а ухудшилась — облачность опустилась ниже одной тысячи метров над землёй, сгустился и дым от боёв и пожарищ. Будто сам дьявол прикрывает фашистов от возмездия. Бомбить с пикированием с высоты семьсот-восемьсот метров невозможно, не успеешь выйти из пике и врежешься в кварталы города. Но задачу никто не отменял.

Самолёт, управляемый лейтенантом Зималиевым уже получил несколько пробоин, но продолжал полёт, и добавилось ещё пара десятков дырок, а за ними ещё десяток.

— Вижу много отверстий, свыше тридцати! — доложил Арам командиру.

— Ничего, прорвёмся! Продолжай вести наблюдение! — ответил Зималиев.

И тут прямое попадание в правую плоскость машины. Задымил двигатель, вырвалось пламя.

— Воспламенился правый двигатель! — крикнул в микрофон Арам.

— Как горим?! — отозвался Зималиев.

Арам, глядя на огонь, машинально и с тревогой в голосе ответил:

— Хорошо горим...

— Следи за обстановкой! Будем возвращаться на базу. Попробуем дотянуть!

— Вряд ли дотянем. Может, приземлимся на аэродроме вблизи Берлина на не занятой немцами территории? — услышал Арам в наушниках предложение штурмана Шиповского.

— Нет. Нас долго будут искать и сами не скоро доберёмся до своих. Летим на свой аэродром! Дотянем! — возразил командир и крикнул по радио Крамд-

жяну:

— Арам, держи надёжную связь с землёй! Она наше спасение!

— Есть держать связь! — отозвался Арам и прильнул к радиостанции. В кабине едкий дым и радист понимал: да, связь сейчас важна, только команды наземных служб могут в такой обстановке сориентировать лётчика при подходе на базу и при посадке на полосу.

— Как горим?! — опять спросил Зималиев.

— Пламя подходит к фюзеляжу! — отозвался Арам.

— Ясно! Землю слышу хорошо, продолжай держать устойчивую связь!

В поле зрения появился аэродром, а самолёт продолжал пожирать огонь. Уже воспламенилась и часть левого крыла. Взлётно-посадочная полоса приближалась.

Наземные службы визуально видели заходивший на посадку Пе-2, он объятый пламенем и дымом вот-вот коснётся земли колёсами шасси. Ещё чуть-чуть, ещё и, наконец, касание. Пробег, торможение, остановка. «Приземлились!» — пронеслось в умах членов экипажа.

— Быстро выбраться из машины! — раздалась команда Зималиева.

А тут и без команды ясно — надо срочно покинуть самолёт.

Арам расстегнул лямки парашюта и пытался его вытащить из кабины, хотел прихватить с собой. Но тут к нему подбежал начальник штаба авиаполка майора Засов и закричал:

— Брось парашют! На кой он тебе?! Сам спасайся! Марш от машины!

Подбежавшие ещё двое техников помогли выбраться из кабины лётчику и штурману.

— Всем бегом от самолёта! — кричал Засов.

Только отбежали, как горящий Пе-2 взорвался. Минута отделяла экипаж от неминуемой смерти.

Майор Засов оценивающе смотрел на Зиманова, Шиповского и Крмджяна и произнёс:

— Не иначе вы, ребята, в рубашках родились.

— Спасибо Араму, молодец, если бы связь прервалась, с первого захода не сели бы, — заметил Зималиев.

— Это вы, товарищ лейтенант, молодец, чётко машину посадили.

— Все молодцы, — ответил командир и ладошками обеих рук дружески одновременно хлопнул по плечу Крмджяна и Шиповского.

Все трое помолчали, отходили от только что перенесённого стресса. А придя в себя через несколько минут, штурман произнёс:

— Вот уж сегодня никак не грех пропустить сто грамм наркомовских.

Так завершился последний боевой вылет Арама Крмджяна перед окончательной победой над фашистами. А пока он не знал, что через десяток дней он вместе с экипажем и полком будут праздновать День Победы! Долгожданной и радостной, со слезами на глазах...

А жизнь продолжается

Читатель, заканчивая читать повесть, наверное, задастся вопросом: а как же сложилась дальнейшая жизнь Арама Крмджяна? Что ж, конечно надо рассказать и об этом.

Арама оставили служить в Германии. Теперь он, будучи военным, мыслями не возвращался к возврату учительствовать. Через год привёз семью. Для Лусик и Шота чужая страна виделась неудобной, сильно отличалась от родных мест, которые для них были дорогими, святыми.

1948 год принёс радость — родилась дочь, и назвал Арам её — Татьяна. А жене пояснил почему. В дивизии служила группа девушек. Одну из них звали Татьяна. Она выделялась среди девушек и женщин красотой, стройностью и фигурой, её словно мастерски слепил искусный скульптор. Араму она очень нравилась. В часы затишья меж боями, авиаторы организовывали танцы. Лилась музыка из баяна или патефона. Кавалеры приглашали дам, дамы приглашали кавалеров. Не танцевал лишь Арам и по известным причинам — он так и не научился русским танцам. А как хотелось, глядя на Таню, пригласить и закружить её в вальсе. Простое желание, но оно было для него недостижимым.

В 1949 году из Германии перевели в Советский Союз в город Энгельс. Назначение — начальник связи эскадрильи в училище лётчиков. Летал на самолётах Ту-2.

Как-то командир училища Олейников предложил перейти на преподавательскую работу и Арам согласился. Должность майорская, а уже представили к капитану. Стремился повышать знания и поступил на заочное обучение в Краснознамённую военно-воздушную академию на командно-штабной факультет. И закончил. Шёл 1955 год.

А тут перевели в Тамбов. Здесь организовался новый авиационный истребительный полк под эгидой стран Варшавского Договора. Начальник связи — такая должность нашла Арама Крмджяна в этом полку.

Однако не задержался и в этом же году оказался в Воронежской области в Россоши. Каково же было удивление, здесь он встретил начальника штаба Саддарова и командира эскадрильи Чурилова — Героя Советского Союза. Долгие разговоры — было что вспоминать.

Вскоре получил звание майора, вручили медаль «За безупречную службу». Пошёл рост — нашлась должность уровня подполковника. А дальше Казахстанский Павлодар и знакомая должность — начальник связи лётного училища. И служил бы, наверное, здесь, но в 1959 году началось сокращение и реорганизация в авиационных частях. В том виде авиаполки и авиадивизии с теми типами самолётами и вооружением не отвечали современному времени, появилось более эффективное оружие — ракеты.

Направили служить в Новосибирск, в штаб авиации Сибирского военного округа старшим офицером отдела связи — курировал земное обеспечение самолётовождения.

Но через год перевели в организовавшуюся авиационную часть специального назначения, в составе которой стратегические бомбардировщики дальнего

действия с вооружением ракет новейшего образца. Работа начальника штаба этой части его занимала, совершенно новая, интересная, но и весьма ответственная.

Неожиданная командировка. Направили Арама Усиковича Крмджяна в Казахстан в составе поисковой группы. Задание строгой секретности: ожидалось приземление первого космонавта Юрия Гагарина полетевшего в космос на ракете «Восток». Необычная миссия, волнительная — это человек, который облетел земной шар и видел землю с высоты 327 километров!

Но наступил 1968 год, и пришло время демобилизации.

Уехал с семьёй в Ереван. Влекли родные знакомые места — горы, реки, леса, те просторы, по которым соскучился за годы войны и послевоенные годы службы. Жил, работал несколько лет.

В 1985 году побывал в Москве. Бывшая 241-я авиационная дивизия решила собраться в 40-летие Победы. Много прибыло однополчан, съехались со всей страны. Всем хотелось увидаться, посмотреть друг на друга, вспомнить былые времена, боевые будни. Приехал и Арам Крмджян. Он удивился, когда увидел ту самую Таню, служившую в дивизии, но уже старше по возрасту, однако мало изменившуюся. Она тоже узнала его.

— А ты, Татьяна, не изменилась, такая же стройная и красивая. Не берёт тебя время, — уважительно разглядывал Арам женщину.

— Разве не изменилась? — улыбнулась собеседница.

— А вот твои боевые подруги располнели, — Арам головой кивнул в сторону женщин, бывших сослуживцев дивизии.

Татьяна на это не отреагировала, а спросила:

— Арам, прошли годы, а освоил ли ты умение кружиться в вальсе?

— Теперь, да. Меня научил парным танцам один друг, так что... — рассмеялся Арам.

— В таком разе может, пригласишь меня на танец? — продолжала улыбаться Татьяна.

Весь вечер они танцевали вместе среди однополчан. Много говорили, делились каждый своей жизнью, вспоминали погибших авиаторов. Вспоминал Арам и свой экипаж: словно пред глазами стояли лётчик Зиляй Камалиевич Зималиев и штурман Николай Михайлович Шиповский.

Зималиев после войны работал председателем колхоза, секретарём парткома, инструктором горкома партии. И что удивительно, бывший лётчик далее окончил ветеринарное училище и восемнадцать лет трудился ветеринаром.

Вернувшись в Ереван, Арам рассказал Лусик о встречах с однополчанами в Москве. Прошло несколько лет. Но... Всё же Сибирь к себе потянула. Видать чем-то она зацепила, и в 1997 году вернулся вместе с семьёй в Новосибирск. Желание быть полезным обществу не оставляло его и он продолжал трудиться, и находил в работе чувство удовлетворённости, потому как общение с людьми и результаты труда ему приносили радость...

Из фотоархива

Зиляй Камалиевич Зималиев – командир экипажа Пе-2 3-го звена 2-й эскадрильи.

Николай Михайлович Шиповский – штурман Пе-2.

**Слева направо:
А. У. Крмджян, лётчик второго экипажа Акимченко, З. К. Зималиев.**

Арам Усикович Крмджян – стрелок-радист Пе-2.

Арам Усикович Крмджян

— Арам Усикович, вы обладатель многих наград. Какая для вас самая важная? — спросил я.

Он на мгновение задумался и ответил:

— Жизнь. Во время такой страшной войны остаться живым, лучше божьей награды не найти...

(из диалога автора с ветераном)

Минченков Александр Михайлович

Над Берлином

Повесть

Издано под редакцией автора.
Портрет автора – член Союза
художников России Е. Г. Назимко.
В книге использованы фотографии
из архива А. У. Крматджяна.

Для сведения читателей:

Книга издана тиражом **27.03.2020** г.

Новосибирским издательством с присвоением **ISBN**.

Авторские права на книгу «Над Берлином» защищены
законодательством Российской Федерации, и автор является
обладателем исключительного права на данное произведение.